

СМЕРШ

спецназ Сталина

Серия
10 лет
на книжном
рынке

ЛЕДЯНЫЕ ВОЛКИ

Александр
Тамоников

СМЕРШ – спецназ Сталина

Александр Тамоников

Ледяные волки

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Ледяные волки / А. А. Тамоников — «Эксмо», 2026 — (СМЕРШ
– спецназ Сталина)

ISBN 978-5-04-251600-9

Лето 1943 года. Советской разведке становится известно, что в Арктике действует немецкий навигационный комплекс «Нордлихт». С его помощью фашисты держат под контролем всю северную акваторию, топят союзнические конвои, координируют авиационные атаки на приграничные военные базы. Командование приказывает группе майора СМЕРШ Ивана Петрова найти и уничтожить вражеский комплекс. Бойцы высаживаются на арктическом побережье и вскоре сталкиваются с передовым отрядом гитлеровцев. В завязавшемся бою получает тяжелое ранение наш радист. Группа остается без связи. Петров понимает, что теперь он один на один с опытным противником. Но приказ нужно выполнить любой ценой...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-251600-9

© Тамоников А. А., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Александр Александрович Тамоников

Ледяные волки

© Тамоников А.А., 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Пролог

Москва, Лубянка. 12 августа 1943 года. 23:45.

В приемной было тише, чем на позиции перед атакой. Здесь не было звуков, которые можно было бы вычленить. Ни скрипа половиц, ни шагов за дверью, ни гула голосов из соседних кабинетов. Только ровный, приглушенный гул собственной крови в ушах, на который постепенно накладывалось ощущение: пахнет воском, старой бумагой и очень слабо табаком. Паркет под ногами, отполированный до темного зеркального блеска, не скрипел. Он глухо, почти неслышно пружинил под подметками сапог, сбивая привычный ритм шага.

Майор Иван Петров стоял у стены, не прислоняясь к ней. Спина, затвердевшая за два года в траншеях под Ржевом и в рейдах по тылам, сама держала прямую линию. Руки в замке за спиной. Взгляд сосредоточен на противоположной стене, где в строгой раме висела карта мира. Он фиксировал взгляд на одной точке, чтобы не отвлекаться на детали помещения: тяжелые бархатные портьеры, массивный письменный стол из темного дерева дежурного офицера.

На фронте, перед атакой, тоже бывало тихо. Но там в тишину вплетались дыхание бойцов, лязг затвора, проверяемого в последний раз, скрип ремней. Здесь же звуки не затихали – их здесь не существовало с самого начала.

Дверь вглубь кабинета, обитая темной кожей, приоткрылась беззвучно. Из нее вышел адъютант в форме НКВД, старший лейтенант. Лицо – бесстрастное, глаза быстрые и ничего не выражающие.

– Майор Петров. Вас ждут.

Петров кивнул, разжал замок из рук за спиной. Онемевшие от неподвижности пальцы слегка покалывали, будто по ним пробежал слабый ток. Он сделал шаг вперед, почувствовал, как подошвы сапог, на мгновение прилипая к полировке, издают легкий чмокающий звук.

Кабинет встретил его волной тепла и другого воздуха. Тяжелого, насыщенного. Здесь запах табака был гуще, смешивался с запахом кожи, хорошей бумаги и металла от массивного сейфа в углу.

За огромным, почти пустым столом сидел человек. Он не поднял головы, продолжая что-то писать быстрыми, резкими движениями. Свет от зеленого абажура настольной лампы выхватывал из полумрака только его руки – крупные, жилистые, – стопку бумаг и край карты, прикрытой калькой. Лампа гудела едва слышным, ровным гулом.

Петров остановился в двух метрах от стола, приняв стойку «смирно». Сапоги мягко уперлись в толстый ковер. Взгляд – чуть выше головы сидящего, на темное дерево панелей стены. Он дышал ровно, стараясь вздымающей грудью не выдавать волнение. Сердце билось четко, с небольшим ускорением.

Скрежет пера по бумаге прекратился. Человек за столом отложил ручку, наконец поднял голову.

Виктор Семенович Абакумов. Начальник Главного управления контрразведки «Смерш». Его лицо, освещенное снизу светом лампы, казалось резче, чем на фотографиях в газетах. Тяжелый подбородок, прямой, жесткий рот, глаза, смотрящие не на Петрова, а будто сквозь него.

– Товарищ Петров, – голос Абакумова был негромким, низким, без эмоциональной окраски, – подойдите к столу.

Петров сделал два четких шага. Теперь он видел стол целиком. Помимо лампы и письменного набора – три стопки папок с разноцветными корешками, тяжелая черная телефонная трубка аппарата правительственной связи, пепельница из темного стекла, в которой лежал окурок. И карта. Большая, развернутая. На ней не было привычной паутины фронтов. Вме-

сто этого – белое, почти пустое пространство, исчерченное синими пунктирами меридианов и параллелей. Верх карты. Арктика.

Абакумов откинулся в кресле. Кожа тихо скрипнула под его весом.

– Снят с формирования 3-го Украинского. Направлен в резерв по рапорту товарища Судоплатова. Характеристика – оперативный работник, способный к автономным действиям в условиях дефицита информации и враждебного окружения. – Он говорил медленно, как бы зачитывая справку. Взгляд его скользнул по лицу Петрова, задержался на глазах. – Ржев, Вязьма, рейды по тылам группы армий «Центр». Несколько спецзаданий по дезорганизации коммуникаций. Знаете немецкий на уровне перевода технических инструкций. Холод переносите лучше, чем жару. Это так?

– Так точно, товарищ генерал-полковник, – отчеканил Петров.

– Здесь не фронт. Здесь – другая война. – Абакумов провел ладонью по карте. Его пальцы легли на белое пятно в синей сетке координат. – Земля Франца-Иосифа. Архипелаг. Лед, скалы, полярная ночь. Сотни километров от Большой земли. Там, где эти синие пунктиры, – конвои. Союзные. И наши. Они идут в Мурманск и Архангельск – с танками, самолетами, порохом.

Абакумов умолк, достал из ящика стола папку с синей полосой, открыл ее.

– Потери за июль: восемнадцать транспортов. Сорок тысяч тонн груза. Люди. – Он закрыл папку. Звук получился негромкий, но отчетливый.

Петров молчал. Он смотрел на карту. На те немногие красные флажки, что обозначали советские полярные станции. Крошечные точки в белой пустоте. И между ними – пустота. Синие пунктиры конвоев шли вдоль кромки льдов, огибая ее. Ловушка была очевидна даже без пояснений.

– До сентября сорок второго года мы считали эти острова нейтральной территорией, – продолжил Абакумов. – Ошибались. Немцы не считают. Они действуют.

Он вытащил из той же папки несколько фотографий, положил их поверх карты.

– Аэрофотосъемка. Остров Земля Александры. Август сорок второго.

Петров наклонился. Фотографии были сняты с большой высоты, контрастные. Белый фон, черные пятна скал. И на одном из снимков – крошечные, но геометрически правильные тени у подножия ледника.

– Метеостанция «Кладоискатель», – произнес Абакумов. – Немецкая. Обнаружена в апреле. Передавала данные о ледовой обстановке, ветрах. Мы высадили группу морской пехоты в мае. Захватили. Часть аппаратуры, шифроблокноты.

Он отложил фотографии, взял другую стопку. Это были увеличенные снимки уже другой местности – сложная система антенн, вмержших в лед, следы гусеничной техники.

– Но это – цветочки. Это – разведка погоды. А вот... – Он положил последний снимок. На нем, в глубине ледникового разлома, просматривалась массивная бетонная конструкция. Из нее выходили несколько толстых кабелей и что-то похожее на поворотную платформу. – Это – ягодки. Объект, условно названный нами «Нордлихт». Обнаружен неделю назад. С большой натяжкой можно принять за нашу заброшенную базу тридцатых годов. Но наши там не строили.

Он замолчал на несколько секунд. Гул лампы снова стал слышен. Затем продолжил:

– Перехват радиосообщений, дешифровка трофейных документов, показания пленных специалистов военно-морских сил Германии. – Абакумов перечислял пункты, слегка постукивая пальцем по столу. – Все сходится к одному. «Нордлихт» – навигационный комплекс. Мощный радиомаяк дальнего действия и, вероятно, радар. Их станция обнаружения. Он, как прожектор, освещает все северное море для их подлодок и разведчиков. Они видят наши конвои за сотни километров. Координируют атаки. А мы – слепы. Мы теряем корабли в районах, которые по всем данным должны быть чистыми.

Абакумов отодвинул фотографии, снова положил ладонь на карту.

– Этот комплекс – ключ к нашему северному флангу. Его нужно уничтожить. Физически. До основания. Но есть проблема, майор. Проблема под кодовым названием «крот».

Петров не моргнул. Мышцы спины напряглись чуть сильнее.

– Для постройки такого объекта нужны материалы, техника, люди. Его нельзя возвести тайно, даже в Арктике. Значит, были задействованы наши ресурсы. Ресурсы Северного флота, Главного управления Северного морского пути. Кто-то на материке давал санкции. Кто-то составлял ложные ведомости. Кто-то обеспечивал логистику предательства. Этот кто-то – не на острове. Он здесь. В штабах. Он передает немцам наши планы. Из-за него две предыдущие попытки найти и уничтожить «Нордлихт» провалились. Первая группа пропала без вести. Вторая наткнулась на засаду.

Абакумов выдвинул ящик стола, достал оттуда толстую папку с грифом «Особой важности» и металлическими застежками. Положил ее перед Петровым.

– Ваша задача – двойная. Первое: обнаружить и ликвидировать источник утечки. Найти «крота». Второе: используя полученную информацию, выйти на объект «Нордлихт» и уничтожить его. Взорвать, сжечь, сровнять со льдом. – Он отщелкнул застежки. Внутри лежали несколько документов, схемы, фотокарточки. Абакумов вытащил лист с изображением сложной схемы радиомаяка. – Это – предположительная схема их передатчика. И радара. Изучите. Запомните. Это ваша цель.

Петров наклонился ближе к столу. Глаза скользили по линиям, выхватывали знакомые обозначения: генераторные блоки, антенные фильтры.

– Можно сделать выкопировку, товарищ генерал-полковник?

Абакумов кивнул.

Петров расстегнул планшет, достал вощенный полевой блокнот в твердой корочке и остро заточенный карандаш. Развернул блокнот на чистой странице, прижал ладонью. Другая рука с карандашом зависла над схемой. Он сделал глубокий вдох, выдох – и начал переносить ключевые элементы на свою страницу. Контур, точки входа, вероятное расположение энергоузла. Рука двигалась твердо. Карандаш оставлял на вощенной бумаге четкие линии. Он фиксировал оперативную реальность, которая через несколько дней могла стать мишенью.

Процесс фиксации занял не больше пяти минут. Абакумов все это время молчал, курил. Петров закончил чертить, положил карандаш в желобок в корешке блокнота, закрыл его. Блокнот вернулся в планшет.

– Команда, – сказал Абакумов, откладывая сигарету. – У вас будет четверо. Лучшие. Капитан Ковалева – снайпер, медик. Старшина Иванов – силовик, подрывник. Младший лейтенант Соколов – радист, шифровальщик. Лейтенант Волков – следопыт, диверсант. Вы – пятый. Командир. Буран. – Он произнес позывной без эмоций. – Вы получите полный доступ к ресурсам Северного флота в рамках операции. На бумаге. На деле – будете обеспечены по остаточному принципу. Ваш приоритет – абсолютный, но только с моей подписью. У флотских свои задачи. И свой, возможно, «крот». Вы должны действовать автономно. Использовать, но не доверять. Понимаете?

– Так точно.

– Вам предоставляются чрезвычайные полномочия. Право действовать от имени Ставки. Право на изъятие любых ресурсов. Право на задержание и допрос любого лица при наличии обоснованных подозрений. – Абакумов сделал паузу. – Но помните, майор. Эти полномочия – не индульгенция. Это ответственность. Каждое ваше решение будет потом изучено. Если сорветесь – вас не расстреляют на фронте. Вас разберут здесь. И найдут за что спросить. – Он отодвинул от себя папку. – Операция получает название «Арктический щит». Документы по объекту, коды для связи – все здесь. Изучите в пути. Папка не должна попасть в чужие руки. При невозможности сохранения – уничтожить.

Петров взял папку. Она была тяжелой, плотной. Он открыл планшет, уложил папку внутрь. Застегнул ремешки.

Абакумов поднялся из-за стола. Его фигура заслонила свет лампы. Он подошел к сейфу, открыл дверцу. Внутри лежал журнал учета. Абакумов взял его, положил на стол, открыл.

– Распишитесь. За получение материалов особой важности.

Петров взял ручку. Она была теплой от чужой ладони. Он наклонился над журналом. В графе «Время» стояло: 23:55. В графе «Документ» – шифр: ОВ/781-АЩ.

Он вывел: «Майор Петров И. В.». Подпись – резкая, с угловатым росчерком.

Абакумов убрал журнал в сейф. Дверца захлопнулась с глухим стуком.

– Самолет в Мурманск – в шесть ноль-ноль с центрального аэродрома. Вас довезут. В Мурманске получите спецэкипировку, проведете смотр группы. Далее – на подлодке Щ-402 к месту высадки. Ориентировочно – мыс Желания. Дальше – ваш район. Связь с Центром – только через Соколова, в строго назначенные окна. Все остальное – на ваше усмотрение. Вопросы есть?

– Вопросов нет, товарищ генерал-полковник.

– Тогда выполняйте.

Петров резко развернулся кругом. Он сделал шаг к двери.

– Товарищ Петров!

Майор замер, обернулся.

Абакумов смотрел на карту Арктики, белеющую в свете лампы.

– Там, на островах, нет тыла. Там везде фронт. Или лед. Не подведите.

Петров кивнул:

– Не подведу.

Он открыл дверь, вышел в приемную. Дверь закрылась за ним с мягким шелчком.

Адъютант у своего стола поднял на него глаза, молча указал взглядом на выход.

Петров прошел по паркету. Его шаг был мерным, тяжелым. Планшет с папкой бил по бедру в такт шагам. В голове была схема. Маршрут: машина, аэродром, самолет, Мурманск, группа, подлодка, лед, враг.

Он вышел в коридор. Длинный, слабо освещенный. Где-то далеко шелкнул лифт. Петров направился к лестнице...

Глава 1

Мурманск, объект «Причал». 14 августа 1943 года. 19:00

Мурманск встретил его влажной дымкой. Не туманом – мелкой, ледяной взвесью, которую порывистый ветер с моря гнал между серыми корпусами ангаров и бараков. Воздух был пропитан гарью солярки, машинным маслом и едкой окисью металла – знакомым духом порта и аэродрома.

После московской тишины кабинета это был грохот войны: дальний гул авиамоторов на взлетной полосе, лязг гусениц тягачей, хриплые команды старшин, перекрывающие свист в проводах. Петров вышел из машины, вдохнул эту смесь полной грудью. Здесь была своя, простая иерархия шума и работы, в которую можно было встроиться. Он направился к низкому ангару из гофрированного железа, обозначенному в его памяти как объект «Причал».

Воздух внутри вобрал в себя запахи порта и еще нечто – спертость давно не проветриваемого помещения, кисловатый дух лежалой овчины. Свет из замутненных окон ложился пыльными лучами на штабеля ящиков с трафаретными номерами. Петров остановился у двери, дав глазам привыкнуть к полумраку. Трое мужчин и женщина в шинелях стояли в центре зала, под единственной горящей лампочкой под потолком, их лица – лишь бледные пятна в желтом свете.

Петров шагнул к ним. Его сапоги четко стучали по бетону в тишине, наступившей после захлопывания дверей. Он сбросил шинель на ближайший ящик. Под ней – гимнастерка без знаков различия. Майор шагнул в круг света. Четыре пары глаз встретили его. Ни страха, ни подобострастия. Взгляд насторожившегося зверя, оценивающего нового в стае.

– Майор Петров. Позывной Буран. Ваш командир.

Ни одного движения в ответ. Только глаза, рассматривавшие его от сапог до лица. Он выдержал эту тишину, позволил им закончить осмотр.

– Обращение – по позывным. Вы: капитан Елена Ковалева – Снег, младший лейтенант Николай Соколов – Вихрь, старшина Сергей Иванов – Медведь, лейтенант Дмитрий Волков – Тундра.

Его взгляд остановился на женщине. Она уже сдвинула капюшон парки. Свет лампы падал на нее сверху, отчего скулы казались резче.

– Снег. Первое – медосмотр. Второе – все личное, любые бумаги с именами, всем сдать тебе. Начинать.

Ковалева кивнула. Она двигалась бесшумно, тратя на движение ровно столько сил, сколько требовалось. Подошла к Иванову. Без слов приподняла веко большим пальцем, посмотрела на зрачок. Взгляд скользнул по его лицу, шее, задержался на кистях рук.

– Старые травмы? Обморожения? – Голос у нее был низкий, без выражения.

– Поясница. Сорок первый год. Не беспокоит. Обморожений не было.

Она перешла к Волкову. Та же процедура. Вопросы, короткие ответы. Потом к Соколову. Радист снял очки, протер их краем гимнастерки. Его руки, пальцы, привыкшие к мелкой работе, были чистыми, без каких-либо следов.

Наконец она встала перед Петровым. Осмотрела его так же, как других. Отступила.

– Осмотр завершен. Состояние удовлетворительное.

Она открыла свой вещевой мешок, достала холщовый мешок. Иванов первым расстегнул шинель, достал из внутреннего кармана потрепанную солдатскую книжку, партбилет в кожаном переплете. Положил в мешок. Затем – два конверта с письмами.

Волков и Соколов сделали то же самое. Последним подошел Петров. Его удостоверение с грифом «Смерш» легло поверх других бумаг.

Ковалева затянула горловину мешка сыромятным ремнем. Достала из сумки сургучную палочку и коробок штормовых спичек. Шипение серы, короткая вспышка пламени, осветившая ее сосредоточенное лицо. Капля темного сургуча упала на узел. Она с силой вдавила в него печать с гербом из своего набора. Горячий сургуч застыл почти мгновенно.

Старшина Иванов шагнул к Петрову, протянул планшет с папкой. Петров раскрыл ее под лампой. Бумага хрустнула в тишине, нарушаемой только звуком редких капель, падающих с крыши.

– Слушайте приказ.

Он зачитал текст, не повышая голоса, но четко артикулируя каждый слог. Название операции, цель, координаты района. Права и полномочия, подписанные в Ставке. Ответственность, возложенная лично. Каждое слово будто падало в тишину тяжелым, неоспоримым грузом.

Поставил папку на ящик. Достал из кармана гимнастерки вошенный блокнот, обтянутый черной кожей, и короткий карандаш с колпачком из стреляной гильзы. Передал Ковалевой.

– Под подпись.

Ковалева поставила угловатый, резкий росчерк – К. Передала Соколову. Тот поправил очки, аккуратно вывел С. Иванов взял карандаш, нажимая так, что бумага едва не порвалась. Волков расписался последним, его подпись была быстрой, неразборчивой чертой.

Петров подписался последним, поставил дату: 14.08.43. Сложил лист, убрал в карман.

– Основание есть. Теперь – проверка экипировки и снаряжения по списку. Слушайте задачи.

Все четверо замерли, глядя на командира.

– Снег. Твое – снайперская винтовка Мосина с прицелом ПУ. И медикаменты из сумки. Проверяешь лично.

– Есть, – тихо отозвалась Ковалева.

– Медведь. Пулемет ДП-27. Инженерное имущество: тротил, детонаторы, шнур. На тебе.

– Понял, – кивнул Иванов.

– Тундра. Лыжи, крепления. Нарта-волокуша – проверь, она разборная. Ледоруб, щуп, компасы.

– Есть, – коротко ответил Волков.

– Вихрь. Рация «Север-бис», батареи БАС-60. Шифры «Зенит». Ничего не упустить.

– Так точно, – подтвердил Соколов.

– Я проверяю личное и групповое оружие, ракетницу, гранаты, список провианта. Все по описи. Работаем до получения результата. Вопросы есть?

Тишина. Никто не шелохнулся.

– Приступайте.

Только после этого, по отмашке командира, Ковалева открыла медицинскую сумку. Разложила содержимое на расстеленном куске чистого брезента. При тусклом свете ее пальцы в тех же тонких перчатках перебирали индивидуальные пакеты, проверяя целостность обертки, считая бинты, жгуты. Сульфидин в вошенных пакетиках, шприц-тюбики с обезболивающим. Она поднесла одну ампулу к свету, щурясь, чтобы разглядеть мелкий штамп срока годности. Все соответствовало списку. Упаковала обратно. Затем подошла к длинному деревянному ящику. Ножом вскрыла восковые пломбы. Сняла крышку. Стружка пахла смолой и свежей древесиной. Внутри лежала винтовка Мосина образца 1891/30, а рядом, в отдельном футляре, оптический прицел ПУ. Она, не снимая тонких шерстяных перчаток, подняла оружие. Отложила прицел в сторону. Отстегнула погонный ремень. Ее пальцы нашли знакомые выемки, и затворная группа разобралась в ее руках одним плавным движением. На боевых личинках и стебле затвора блестел жирный, желтоватый налет. Она достала из вещевого мешка маленькую жестяную баночку. Морозостойкий состав ВСЦ. Клочок чистой ветоши. Удалила старую

смазку, тщательно протерла все детали. Новый состав лег тончайшим, почти невидимым слоем. Сборка заняла меньше минуты. Затвор ходил идеально – плавно, без малейшего заедания. Ковалева установила прицел, закрепила, проверяя люфт. Щелкнула установочным барабанчиком. Подняла винтовку, прикинула на плечо, бросила взгляд на импровизированную мишень – черный крест, нарисованный мелом на дальнем ящике. Света было мало, но ей хватило. Опустила винтовку, завернула в промасленный холст из ящика и уложила обратно в стружку.

Иванов тем временем вскрывал ящики с боеприпасами. Цинковые коробки с патронами 7.62x54 мм лязгали, когда он срывал крышки ножом. Он вынимал по одной обойме, осматривал каждый патрон. Его толстые пальцы переворачивали гильзу, искали зеленый налет коррозии, проверяли клеймо завода и год.

– Три цинки – тульские. – Его голос прокатился по ангару глухим гулом. – Сорок второй год. У них бывает дефект дульца. Надо каждый проверить.

Петров, разбирая на ящике пистолет ТТ, лишь кивнул, не отрываясь от работы:

– Проверишь. После остальных проверок.

Сам он вместе с Волковым уже вскрыл ящик с пистолетами-пулеметами. Три ППШ-41 с секторными магазинами и один более компактный ППС-43 для радиста. Петров проверял каждый ствол на просвет, заслоняя лампу телом, чтобы луч света проходил по нарезам. Чисто. Переводчик огня щелкал с четким, сухим звуком. Приемник магазина – без люфта. Разборка, чистка, смазка. Металл оружия был холодным от сырости, и перчатки защищали руки не только от грязи, но и от ледяного прикосновения железа. Он работал быстро, но без суеты, оставляя Волкову время на его часть задачи.

Волков, закончив со своим ПППШ, перешел к лыжам. Пять пар широких армейских лыж с тросиковыми креплениями. Он брал каждую, поднимал на уровень глаз, смотрел на просвет, ища невидимые трещины. Потом примерял крепление на свой валенок, обернутый бахилой. Тросик должен был затягиваться туго, но не пережимать ногу. Ослабить – одним движением. Одну пару отложил в сторону – тросик слегка перетерся. Достал из ремонтного набора запасной, заменил за минуту. Затем собрал трехметровый ледовый щуп, закрутив сочленения до упора, проверил острие – не затупилось.

Он подошел к нарте-волокуше, стоявшей в тени под брезентом. Сдернул покрывало. Конструкция из темного дюрала: длинные полозья, рама, брезентовый пол на дугах.

– Конструкция разборная, – доложил он, не оборачиваясь. – В люк подлодки в сборе не пройдет. Нужна проверка и разборка.

– Проверь и разбери, – отозвался Петров, откладывая в сторону последний проверенный ПППШ и открывая ящик с ракетницей СПШ. Он проверил механизм, осмотрел десять сигнальных ракет в картонных трубах. – Медведь, подключишься до проверки патронов.

Соколов возился с радиостанцией «Север-бис». Металлический корпус был холодным и слегка влажным от конденсата. Он вытер его сухой тряпкой, осмотрел клеммы, телеграфный ключ. Проверил наушники, антенну-луч на катушке, запасную проволочную. Достал блок сухих батарей БАС-60, потряс у уха, прислушиваясь к глухому, плотному шороху. Не сыпется. Положил обратно. Затем – шифровальные блокноты «Зенит» в вошеной бумаге, карандаш. Все упаковал обратно в специальный деревянный футляр, обитый изнутри войлоком.

Иванов, закончив выборочную проверку, перешел к своему пулемету. ДП-27 лежал в ящике разобранный: ствол с газовой каморой, затворная рама, приклад, сошки. Он собрал его не глядя, руки сами находили нужные детали. Щелчок соединения, лязг фиксатора. Проверил зазор между затвором и казенной частью ствола – все в норме. Затем принялся за диски. Четыре магазина. Каждый разобрал, смазал подаватель и пружину тонким слоем ВСЦ. Снарядил патронами из уже проверенных цинков, укладывая каждый ровно, без перекосов. Готовые диски упаковал в брезентовые чехлы с завязками.

Волков и Иванов подошли к нарте. Проверили каждое болтовое соединение. Один болт на правой поперечине был ослаблен. Иванов достал из своего набора гаечный ключ, подтянул до упора, проверил на ощупь. Затем они отсоединили полозья от центральной рамы, аккуратно положили их на пол. Сняли брезентовый полог, свернули его в тугой рулон. Демонтировали систему ремней. Получили три плоских, громоздких элемента и отдельно – рулон полога и сверток ремней.

– Нарта готова к транспортировке, – доложил Волков, отряхивая перчатки от металлической пыли.

– Теперь патроны, – сказал Петров, закрывая последний ящик с провизией и делая черточку карандашом в списке против пункта «Концентраты суповые – 30 пачек». – Тундра, с Медведем.

Они вскрыли три цинка с тульскими патронами, аккуратно высыпали содержимое на расстеленный чистый брезент. Патроны легли ровными рядами, гильза к гильзе. Каждый осматривался при свете: целостность гильзы, состояние дульца, капсюль. Бракованные откладывались в отдельную жестяную коробку из-под пайка. Работа шла молча, только раздавался редкий стук патрона о жесть. Всего нашли одиннадцать штук с едва заметными вмятинами у основания гильзы и наплывами металла на дульце.

– Брак – одиннадцать штук. – Иванов поставил коробку на видное место.

Петров подошел, взглянул, кивнул. Отметил в блокноте: «Патр. 7.62x25 Тула – брак 11 шт.».

Соколов в это время закончил упаковку рации и подошел к Петрову:

– Рация готова к детальной проверке.

Петров кивнул. Они вдвоем еще раз осмотрели «Север-бис». Петров проверил корпус на предмет скрытых вмятин, надежность всех креплений крышки, Соколов – чистоту контактов, целостность изоляции на проводах. Подключили одну батарею, на секунду замкнули ключ – стрелка на малюсеньком встроенном индикаторе дернулась.

Волков тем временем закончил подготовку лыж. Теперь он наносил на них состав для вождения – смесь парафина и дегтя, которую растирал специальной пробкой вдоль волокон, поворачивая лыжу к свету.

Петров обошел всех. Остановился возле Ковалевой. Та уже упаковала медицинскую сумку и теперь сидела на ящике, начищая сухой тряпкой линзы прицела ПУ. Винтовка лежала рядом в промасленной ткани.

– Юстировка?

– Не сбита, – ответила она, не отрываясь от работы. – Проверила по мишени.

Он перешел к Иванову. Пулемет в чехле, четыре диска в сумках. Ящик с инженерным имуществом запечатан сургучной печатью самого Иванова – он проверял тротильные шашки, бикфордов шнур, капсюли-детонаторы. Все было сухим, упаковка не повреждена.

Петров взглянул на Волкова. Тот как раз заканчивал последнюю лыжу, ставил ее к стене рядом с остальными. Ледоруб, шуп и два компаса Адрианова лежали рядом, уже осмотренные.

– Тундра. Компасы?

– Стрелки ходят чисто. Девиация в пределах нормы для этого железа. – Волков указал подбородком на фермы ангара.

Петров подошел к Соколову. Тот уже уложил футляр с рацией в подготовленный деревянный обрешетчик, прокладывая войлоком.

– Шифры?

– Упакованы, серия Г. Не компрометировались.

Петров вернулся к столу, где лежал его список. Пробежал глазами все пункты, сверяя с пометками. Оружие, боеприпасы, связь, инженерное имущество, снаряжение, провизия, медикаменты. Все проверено, упаковано, кроме последних тюков. Перед тем как дать команду на

упаковку, он открыл блокнот, сделал две черточки: Р/С «Север-бис» – исправна. Брака нет. Он посмотрел на часы. С момента входа в ангар прошло три часа десять минут.

– Упаковка в грузовые места. Груз – отдельно от частей нарты. По схеме.

Тихая, отлаженная работа закипела с новой силой. Ящики с боеприпасами, обрешетчик с рацией, мешки с провизией, ящик с инженерным имуществом – все укладывалось в отдельные, четко рассчитанные по весу и габаритам тюки. Каждый тюк туго перетягивался ремнями, образуя удобные для переноски лямки. Части разобранной нарты связали вместе прочным белым пеньковым шнуром, чтобы не гремели. Рулон полога и ремни упаковали отдельно.

Петров наблюдал, как Волков и Иванов поднимают первый тюк – самый тяжелый, с патронами. Их движения были синхронными, без лишних слов. Ковалева и Соколов подхватили второй, с провизией. Груз поочередно заносили в кузов ЗИС-5, заехавший в ангар. Укладывали плотно, по заранее продуманной схеме: тяжелое – вниз и к кабине, хрупкое – в центр, на мягкое. Сверху натянули общий брезент, его края закрепили веревками, пропущенными через рым-болты в кузове.

Последней внесли коробку с бракованными патронами и опечатанный мешок с личными вещами. Их положили сверху, у заднего борта, для быстрой передачи на хранение.

Группа заняла места в кузове рядом с грузом. Ковалева села на ящик с патронами, приклонившись спиной к кабине. Иванов и Волков устроились по бортам. Соколов пристроился ближе к центру, прикрывая футляр с рацией ногами.

Петров последним обошел ангар. Его взгляд скользил по цементному полу, выискивая забытые бумажки, гильзы, следы их присутствия. Чисто. Даже стружку от ящиков смели в угол. Он подошел к лампочке, потянул за шнур. Щелчок. Тьма нахлынула мгновенно, поглотив желтый островок. Но теперь в этой темноте были знакомые звуки – ровное дыхание четырех человек, скрип ремней под грузом – и знакомые запахи его группы: кожи, оружейного масла, сукна.

Он нащупал задний борт, подтянулся, сел на него, развернулся, опустил ноги в кузов. Занял свое место – у правого борта, лицом к направлению движения, чтобы видеть дорогу через просвет в брезенте.

– Готовы, – сказал он тихо.

Из темноты у кабины раздался скрип двери. Мотор грузовика взревел, заглушенный стенами ангара, и тут же стих, перейдя на ровный, глухой рокот. Ворота впереди заскрежетали, отъезжая в сторону. В проем хлынул серый, промозглый свет мурманских сумерек, пахнуло морем, угольной пылью и влажным асфальтом.

ЗИС-5 мягко тронулся с места, дал задний ход, выкатился из-под навеса. Холодный ветер с моря тут же ударил в лицо, неся с собой мелкую, колючую водяную пыль. Водитель переключил передачу, и грузовик, не включая фар, пополз по мокрому асфальту, скрываясь в серой пелене дождя и ранних сумерек, в сторону огней причала № 3.

Глава 2

Мурманск, объект «Причал». 15 августа 1943 года. 00:30

ЗИС-5 резко затормозил, его кузов просел на рессорах. Дождь, не прекращавшийся с вечера, барабанил по натянутому брезенту. Петров прыгнул на мокрые плиты причала номер три. В двадцати метрах, в серой мгле, виднелась подлодка Щ-402. У рубочного люка под непромокаемым плащом стоял офицер.

Петров подошел, отдал честь.

– Майор Петров, группа «Буран». К погрузке готовы.

Офицер, старший лейтенант, сухо ответил на приветствие:

– Старпом Щ-402. Груз в отсек. Личный состав – следом. Быстро и тихо. У вас двадцать минут.

Он отступил в тень, его лицо растворилось в темноте.

Работали молча. Ковалева и Соколов подхватили носилки с рацией «Север-бис» в металлическом чемодане и двумя ящиками шифров. Вес заставил Соколова крикнуть, мышцы на его шее напряглись. Иванов и Волков, не сговариваясь, ухватились за основные тюки – брезентовые свертки с разобранным нартой, деревянные ящики с патронами, туго перетянутый бечевкой тюк с провизией. Петров передал шоферу под расписку пять свертков – личные вещи группы. Внутри только смена мехового белья, запасные портянки, письма из дома. Все остальное, вся тыловая жизнь, оставалась здесь, в этом вонючем, мокром порту.

Подача груза в черный раструб люка заняла двенадцать минут. Ящик с патронами застрял, пришлось подбить коленом. Снизу раздался приглушенный мат. Последним исчез тюк с палаткой и печкой. Петров отметил про себя время: 00:37. Все по графику.

– Вниз, – бросил он.

Ковалева первая скользнула в люк, ее шинель мелькнула и пропала вниз. За ней – Соколов, с трудом сумевший с вещмешком развернуться на трапе. Иванов и Волков исчезли быстро, привыкшие к люкам. Петров задержался на секунду, оглядывая причал. Огней почти не было. Часовой у ворот стоял спиной, его плечи были подняты из-за холода и дождя. Ничего лишнего. Он схватился за холодные, мокрые поручни трапа и начал спуск.

В нос ударил воздух – густой и тяжелый с запахом, вобравшим в себя все: едкую, химическую сладость паров регенерации (перекись и каустик), прогорклый дух старой солярки, впитавшейся в сталь за годы службы, запах влажной шерсти и человеческого пота. И под всем этим – холодная, солоноватая сырость, конденсат на металле. Звук. Равномерный, давящий гул вентиляторов, разнесенный по стальным трубам в монотонное, навязчивое урчание, под которое начинало стучать в висках. И редкие, четкие металлические лязги – где-то далеко хлопнул клапан, шелкнул тумблер.

Четвертый отсек. Торпедный. Две торпеды сняли со стеллажей, освободив место на решетчатом пайоле, под которым клубились тени и стояли лужицы влаги. По бортам, в три яруса, висели койки-гамаки из просмоленной парусины. Все нижние были заняты спящими вповалку подводниками, завернувшимися в шинели. Воздух здесь был еще сильнее сперт, температура не выше десяти градусов.

– Размещайтесь, – сказал Петров, его голос прозвучал приглушенно в стальных стенах. – Снаряжение под койки. Шинели сверху. Оружие при себе. Ковалева, Соколов – на левый борт, к переборке. Мы – на правый. И соблюдайте тишину.

Радиста – подальше от вероятного удара в борт. Снайперу – сектор обзора на вход. Группа беззвучно зашевелилась в тесноте. Ковалева, сняв мокрую шинель, тут же натянула толстый свитер из грубой шерсти. Ее движения были резкими, отрывистыми, чтобы можно было согреться.

Соколов, поставив чемодан с рацией между своей койкой и ледяной переборкой, немедленно расстегнул его. Его пальцы, уже знакомые с каждым винтиком, потрогали клеммы аккумуляторов, щеточки телеграфного ключа, потянули за антенный провод, проверяя натяжение. Иванов и Волков, уложив ящики под койки, связали их тонким белым шнуром в единый блок – чтобы при качке не разбилось.

Петров наблюдал за каждым, отмечая про себя: Ковалева – собрана, но зябнет. Соколов – в своей стихии, паника отступила. Иванов, Волков – работают на автомате. Хорошо.

В 00:47, как только последний вещмешок был уложен, к ним подошел дежурный матрос, пахнувший махоркой и потом:

– Командир просит старшего группы к себе. В центральный пост.

Лейтенант-командир Щ-402 Александров оказался моложе, чем ожидал Петров. Сухой, с острым, уставшим лицом, он стоял у штурвалов горизонтальных рулей в центральном посту, не отрываясь от маневренного планшета. Воздух здесь был чуть свежее, пахло озоном и горячим металлом приборов.

– Майор. Александров. – Он не протянул руку, его ладони были заняты. – Переход займет семьдесят два часа, если ледовая обстановка позволит. Идем в позиционном положении, под самой кромкой пака¹. Скорость – три узла. Шумность – максимальная экономия. Перископ поднимаем – раз в четыре часа, на двадцать секунд, для контроля. Понятно?

– Понятно, – кивнул Петров.

Вопросов не было. Тактика подводной войны была компетенцией Александрова, а не его.

– Ваши люди. Правила на моем корабле: без дела не шататься. Туалет – кормовой отсек, по графику. Питьевая вода – литр на человека в сутки. Умываться – влажной тряпкой. Запрещено: курить вне кубрика, громко разговаривать, стучать по переборкам. При тревоге – занять указанные места у аварийных люков. Ваша задача – сохранить боеспособность к моменту высадки. Моя – доставить вас живыми. Договорились?

– Договорились, – подтвердил Петров.

Это была не просьба, а констатация регламента. Он отметил про себя: командир лодки говорил четко, без панибратства, но и без враждебности. Профессионал. Это упрощало дело.

Возвращаясь в отсек, Петров задержался у переборки, наблюдая, как вахтенный механик у огромной панели с манометрами и вентилями проверяет систему. Тот, заметив взгляд, буркнул, не отрываясь от приборов:

– Воздух гоняем по кругу, через регенерационные патроны. Углекислоту жрут, кислород плюют. Дифференциал держим в ноль, чтобы не трясло и шуму меньше. Ваша задача – не мешать.

Петров кивнул. Источник информации был.

Первый прием пищи прошел в полной тишине, нарушаемой только храпом далекой вахты. Старпом лично принес паек: на пять человек – буханка черного сухаря, банка шпика, брикет галет. Вода в алюминиевом бидоне – пять литров. Суточная норма.

Иванов раскрошил сухарь в котелки, залил теплой водой из бидона. Получилась серая, безвкусная каша. Волков вскрыл шпик перочинным ножом, разрезал на пять точных, тонких ломтиков. Жир моментально застыл белыми прожилками на жести банки. Петров наблюдал, как группа ест: Ковалева – медленно, пережевывая каждый кусок, Соколов – торопливо, чуть не подавившись, Иванов и Волков – методично, без эмоций.

– Отчет о состоянии, – сказал Петров тихо, когда котелки были пусты. – Снег?

– Нормально, – отозвалась Ковалева.

– Вихрь?

– Нормально. – Соколов откашлялся.

Воздух щекотал горло.

¹ Пак (паковый лед) – многолетний дрейфующий полярный морской лед.

- Медведь?
- Порядок, – произнес Иванов.
- Тундра?
- Все хорошо, – заключил Волков.

Петров кивнул. Расход ресурсов: пять литров воды, часть сухаря, шпика. Фиксировать в блокноте позже, когда будут одни.

Сон в гамаке был пыткой. Тело провисало, спина затекала. Каждые два часа подводники меняли вахту, кто-то спотыкался о ящики в темноте, слышалось бормотание. Петров спал урывками, контролируя слухом отсек. Рядом Соколов ворочался, скрипел гамак.

- Тихо, Вихрь, – бросил Петров в темноту, не открывая глаз.

Шевеления прекратились.

Глухой удар в левый борт отозвался вибрацией в стальной раме койки. Потом еще один, с протяжным скрежетом, будто по корпусу провели гигантской наждачной бумагой. Петров не открывал глаз. Влажный, спертый воздух гудел в ушах. Слева послышался резкий, подавленный вздох, затем сдавленный кашель.

Он открыл глаза. В свете малинового аварийного фонаря Соколов лежал на спине, пальцы судорожно сжимали край шинели. Его глаза были широко открыты.

– Битый лед о корпус, – тихо, но отчетливо сказал Петров. – Скребет, а не бьет. Значит, мелочь, шуга. Не трещит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.